

УДК 27-786-174(476.5)

Е.Ю. Занько

ст. преподаватель каф. истории славянских народов
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: evgeniyazanko@yandex.by

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЯХ БССР В 1944–1950-х гг. (НА ПРИМЕРЕ ГРОДНЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Представлена характеристика основных мероприятий советской власти по организации регистрации церквей, религиозных общин, братств и сестричеств. Анализируется деятельность уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гродненской области, Гродненского епископа и православного клира, деятельность женского монастыря и Жировичской семинарии, участие православных священников в общественной жизни Гродненщины, разногласия между православным и католическим духовенством, восстановление и развитие религиозных учреждений на территории Гродненской области.

Введение

Актуальность проблемы возрождения и дальнейшего развития религиозной жизни в западнобелорусском регионе после Великой Отечественной войны обусловлена тем, что долгое время эта тема не исследовалась. Большинство вопросов являются неоднозначными, спорными и подлежат тщательному изучению. Особенностью белорусской историографии проблематики истории РПЦ 1944–1950-х гг. является отсутствие обобщающих трудов по истории РПЦ в западных областях БССР данного периода. Так, в научном издании «Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.)» В.М. Завальнюка [1] на основании архивных материалов, научной литературы отражены особенности и проблемы религиозной сферы в послевоенный период в БССР. Особое значение имеют работы Н.П. Галимовой, Л.В. Лавреенко [2], В.Г. Кулаженко [3], протоиерея А. Марченко [4], Е.В. Пчельника [5], С. Силовой [6], А.П. Строкача [7]. Эти авторы рассматривают послевоенный период изменения отношений советского руководства к Русской Православной Церкви. Приводятся статистические данные и сведения из Государственных архивов Брестской и Гродненской областей о количестве храмов, священнослужителей и верующих, анализируются многие аспекты жизни верующих и духовенства в послевоенные годы, отслеживается роль духовенства в период с 1945 по 1950-е гг., характерной чертой которого авторы называют активную гражданскую и церковную позицию священнослужителей.

Целью статьи является определение состояния, проблем восстановления и развития религиозной жизни в послевоенный период в западных областях БССР на примере Гродненской области. Для достижения поставленной цели были обозначены следующие задачи: 1) дать характеристику организации конфессиональной жизни на территории Гродненской области в послевоенный период; 2) выявить особенности религиозной жизни Гродненщины: кадровые проблемы православного клира, налоговое бремя священников, деятельность женского монастыря, работа Жировичской мужской семинарии, противоречия между православным и католическим духовенством.

Научный руководитель – А.Н. Вабищевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

Религиозная политика советской власти

Первые послевоенные годы характеризуются лояльным отношением советской власти к деятельности Русской Православной Церкви. Власть участвовала в формировании церковных органов управления, помогала в решении кадровых проблем и организации духовных учебных заведений, рассмотрении вопросов, связанных с открытием церквей и молитвенных домов [5, с. 384]. Однако советская идеология по-прежнему предусматривала будущую ликвидацию религии в целом и Православной Церкви в частности как основного конкурента в идеологической сфере. Изменились только методы, которые должны были привести к уничтожению религии. Давление шло сразу по нескольким направлениям: священники облагались большими налогами, прихожанам запрещалось помогать духовенству их уплачивать, не разрешалось проводить праздничные богослужения и крестные ходы, верующие привлекались к ответственности за нарушения наравне со священниками [6, с. 218–219]. В 1944–1948 гг. в основе религиозной политики государства всё же преобладал «прагматичный» подход. Используя позитивный имидж Православной Церкви для консолидации общества в тяжёлые послевоенные годы и её авторитет в международной политике, власти допускали религиозную жизнь только на оптимально достаточном уровне [3, с. 66].

Уполномоченным Совета по делам РПЦ по Гродненской области в первые послевоенные годы был назначен И.Т. Макаренко. По мере возможностей он встречался как с представителями церкви, так и с гражданами, которые приходили к нему на приём по тем или иным вопросам, непосредственно связанным с деятельностью Православной Церкви. Однако большую часть своего времени уполномоченный вынужден был проводить в командировках, причём они не были связаны с его непосредственной работой (вопросы хлебозаготовок, лесозаготовок, выборов в местные Советы и т.д.). И.Т. Макаренко неоднократно информировал вышестоящее начальство о невозможности выехать на места по вопросам, относящимся к деятельности Православной Церкви, чтобы ознакомиться с состоянием приходов, деятельностью церковных советов и ревизионных комиссий [8, л. 17]. Подобное положение сохранялось, несмотря на распоряжение В.М. Молотова о запрете перевода уполномоченных на другую работу без ведома Совета по делам РПЦ и длительных командировок, не связанных напрямую с их работой. Это самым непосредственным образом отражалось на качестве отчётов, отправляемых в Минск [5, с. 384–385]. Таким образом, отчёты уполномоченных нельзя считать полностью объективными, т.к. в них много личностного отношения, завышенных цифр, фактов преувеличения собственных заслуг, очевидной клеветы на верующих и духовенство [7, с. 252].

В январе 1946 г. в Гродно прибыл епископ Гродненский и Барановичский Варсонофий. Каждый кварталный отчёт пестрит негативным отношением И.Т. Макаренко к епископу. В ведении епископа находились все церкви Гродненской и Барановичской областей – 187 приходов. Но спустя три месяца по распоряжению Московского Патриарха Алексия Барановичская область с её 113 приходами отошла в распоряжение архиепископа Минского и Белорусского Василия, а в ведении епископа Гродненского остались 74 прихода. Варсонофий, лишившись приходов, начал рукополагать в священники всех, кто только обращался к нему с этим вопросом. Там, где был один священник, высылал второго, где было два – третьего, чем вызвал недовольство среди опытного и старшего духовенства [9, л. 42–44]. Только за два последних квартала 1948 г. епископ Варсонофий перевёл из одного прихода в другой 27 человек – 31% от общего числа духовенства. Поэтому неудивительно, что патриарх снял епископа с занимаемой должности и перевёл его в Семипалатинск. Епископ не хотел покидать Гродненскую епархию, он дважды посылал телеграмму в Москву с вопросами о причине своего перевода, отправлял в столицу делегации, сам ездил к патриарху, однако безрезультатно [10, л. 58–60].

Особо следует обратить внимание на процесс регистрации церквей, а также их открытия по ходатайствам верующих (по 9 районам Гродненской области был проведён учёт ущерба на сумму 21 050 577 руб., нанесённого немецко-фашистскими оккупантами молитвенным домам и другим церковным постройкам) [8, л. 2].

В первые послевоенные годы в Гродненской области работниками отдела пропаганды ЦК КП(б)Б была отмечена активизация религиозной жизни, чему в немалой степени способствовала и кампания по регистрации православных приходов. Непосредственно сам процесс регистрации действующих церквей был завершён к апрелю 1946 г. (все церкви предоставили необходимую документацию согласно инструкции Совета) [5, с. 385]. В этот период в масштабах республики и на местах наблюдалась тенденция к увеличению числа приходских общин, храмов и молитвенных домов (таблица) [8, л. 22–23, 25; 13, л. 8; 12, л. 2–3, 14, 71–72].

Таблица. – Религиозные учреждения и духовенство в Гродненской области (1945–1948 гг.)

	Январь–декабрь 1945 г.	Январь–декабрь 1946 г.	Январь–декабрь 1947 г.	Январь–декабрь 1948 г.
Церкви	71–74	74–102	102–104	104–106
Монастыри	1	1	1	1
Епископы	1	1	1	1
Священники	70–77	77–78	78–89	89
Дьяконы	5–9	7	7–5	7
Псаломщики	–	–	55–63	63–62
Монашествующие	65	62	65	65

Таким образом, к 1948 г. на 5–6 деревень приходилась церковь или костёл. В сравнении с культурно-просветительскими учреждениями (по области числился 321 культурно-просветительский объект) религиозных учреждений насчитывалось 185 (православных церквей – 106, костёлов – 59, «сектантских» молитвенных домов около 20). Только на Гродно, Лиду, Волковыск приходилось 6 православных церквей, 11 священников, 9 католических костёлов, 8 ксендзов. На районные центры – 10 православных церквей, 10 священников, 12 костёлов и 8 ксендзов. В сельских населённых пунктах – 90 церквей, 70 священников, 69 костёлов (из них 29 недействующих) и 43 ксендза [10, л. 1, 9–10, 32–33, 40, 48–49].

Однако регистрация церквей в Гродненской области, как отмечалось в отчётах, «проводилась с большими трудностями». Так, в д. Пацевичи Мостовского района священник Самойловичской церкви Ковалевский несколько раз пытался собрать верующих для подписания договора, но безуспешно. Причиной оказался слух, что священник собирает подписи по деревням своего прихода для организации колхоза [5, с. 385]. Также к уполномоченному поступило устное заявление от священника Гродненского собора Г. Мосеева, который просил разрешения совершать богослужения в церкви Бориса и Глеба (Коложской) в Гродно. Материал по этому вопросу был выслан на рассмотрение Совета по делам РПЦ при СНК СССР. В 1948 г. было принято решение открыть здесь Гродненский исторический музей [8, л. 1].

Восстановление церковной жизни в западных регионах БССР происходило медленно, так как значительная часть священников была репрессирована по подозрению в коллаборационизме или по обвинению в антисоветской деятельности. К тому же осложнял проблему низкий уровень профессиональной подготовки священнослужителей. На 31 декабря 1945 г. из 77 православных священников и 9 дьяконов, служивших в Гродненской области, среднее богословское образование имел 41 человек, высшее – 9. Из них церковный стаж до 1 года имел 1 человек, стаж 1–5 лет – 15, 5–10 лет – 11, 10–20 лет –

20, 20–30 лет – 18, 30–40 лет – 7, свыше 40 – 5. Два священнослужителя имели высшее образование, 10 – среднее, 15 – низшее [8, л. 23].

В мае 1946 г. на совещании благочинных в Гродно епископ Варсонофий по указанию Московской Патриархии поставил на обсуждение вопрос о переподготовке определенной части духовенства на краткосрочных курсах. В результате с 3 октября по 2 ноября 1946 г. в Гродно состоялись месячные пастырско-богословские курсы, основной целью которых являлось повышение уровня знаний пастырей Гродненской епархии. В отчёте И.Т. Макаренко сообщается, что «курсы не дали каких-либо существенных результатов». На курсы было вызвано 35 человек, но явилось только 28. В личной беседе с уполномоченным священники заявили, что «недовольны тем, что их создали в Гродно, под наблюдением епископа Варсонофия, которого они боятся, как чёрт лада. Они мотивируют, что их бюджет не выдержит целый месяц жить в городе на своих харчах. Другие говорят, что курсы были созданы не вовремя, и проводить их надо непосредственно в самих приходах и меньшими группами». Уполномоченный приходит к выводу, что боязнь священников «заключается в том, что многие вызванные на эти курсы боятся выявить свою неподготовленность, у которых нет образования ни общего, ни богословского» [9, л. 37]. В то же время «Журнал Московской Патриархии» сообщал о курсах, которые прошли с большим успехом: заранее было подготовлено соответствующее помещение для лекций и слушателей, был разработан план занятий, приглашены преподаватели с высшим образованием из числа священников епархии. Для объективной оценки данного факта следует учитывать, что отчёты уполномоченного носят достаточно субъективный характер и связаны с личным негативным восприятием всего, чем занимался епископ Варсонофий, а также специфику публикаций в журнале, который издавался при непосредственном участии государства. Таким образом, организация подобных мероприятий свидетельствует, что церковь признавала невысокий, а местами и низкий уровень образования (как общего, так и богословского) своего клира. Очередные курсы для духовенства Гродненской епархии прошли с 9 июня по 9 июля 1947 г., и на этот раз они оценивались уполномоченным более высоко. Он докладывал в Совет, что они «прошли немного лучше, чем в прошлом (1946 г.) году» (единственное упущение – это отсутствие занятий по русскому языку) [5, с. 385–386]. Несмотря на то, что эти курсы действовали на протяжении нескольких лет, это не сняло кадровой проблемы: из-за нехватки священнослужителей в западных районах БССР в 1948–1953 гг. было закрыто 34 церкви, а в 1953 г. регистрацию прошли только 526 (71,3%) священнослужителей [1, с. 238].

Деятельность женского православного монастыря в Гродно

Особенностью религиозной жизни в первые послевоенные годы на Гродненщине являлась деятельность женского православного монастыря в Гродно, в котором насчитывалось 65 монахинь. Вставали монахини в пять часов утра и заканчивали работу в 21 час. Дисциплина в монастыре была строго регламентирована уставом. Монашеские занимались рукоделием: прядением льна, шерсти, вязали джемперы, свитеры, тёплые платки, шарфы, чулки, перчатки, шили ватные одеяла, нательное бельё. Получая плату натурой и деньгами, 3 монахини работали в качестве сиделок в Гродненской областной больнице [11, л. 8]. В одном из отчётов И.Т. Макаренко сообщал, что «обитатели женского монастыря занимаются запрещёнными методами лечения, во время некоторых праздников продолжают молиться за царей, а 17 июля с.г. служили панихиду по Николаю II Романову» [9, л. 36]. До 1946 г. монастырь жил за счёт рукоделия, что давало в среднем 6–7 тыс. руб. в год, и небольшого огорода при монастыре. В 1946 г. по заявлению епископа Варсонофия Гродненский городской совет отвёл монастырю из бывшей монастырской земли в черте города три гектара, урожай с которого помог

монахиням не только обеспечить себя провиантом на год, но и реализовать значительную его часть на рынке. Кроме того, со временем настоятельница монастыря получила разрешение уполномоченного заняться пчеловодством и птицеводством, что тоже приносило хороший доход. Помимо всего, монастырь был освобожден от уплаты налогов со строений и земельной ренты, а монахини – от налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. Таким образом, одна из статей расходов монастыря значительно сократилась, а доход благодаря новым приобретениям возрос, что позволяло заниматься как реконструкцией самого здания, так и строительством необходимых хозяйственных помещений [5, с. 386]. Отношение И.Т. Макаренко к монашествующим было двояким. С одной стороны он считал неуместным существование обители в области, с другой – постоянно отмечал трудолюбие монашествующих: «Я считаю, что такое своеобразное учреждение, как женский монастырь с его обитателями (хотя они почти не общаются со светским населением), не следовало бы держать в областном центре, да ещё и в приграничном городе, с его перенаселёнными домами и быстро развивающейся промышленностью, которой нет места в городе» [12, л. 66–68].

Ужесточение религиозной политики в 1947–1950 гг.

В 1947 г. в государственной конфессиональной политике по отношению к Православной Церкви началось охлаждение. Особую озабоченность властей вызвала активная благотворительная деятельность Православной Церкви, благодаря которой вырос её авторитет. В феврале 1947 г. патриарх Алексий по указанию Совета Министров СССР был вынужден полностью прекратить церковные сборы на патриотические цели. На этот раз сокращение поступлений в государственный бюджет было компенсировано обязательной подпиской духовенства и прихожан на займы для восстановления народного хозяйства, а также усилением налогового бремени [4, с. 199]. В 1947 г. доходность церквей была значительно меньшей, чем в 1945–1946 гг. После открытия приходы стали облагаться налогами наравне с ремесленниками и торговцами [13, л. 1]. При учёте доходности прихода выбирали определённый срок – месяц с самыми высокими поступлениями в году, умножали на 12, что давало сумму годового дохода. Главными источниками церковного дохода являлись торговля свечами (43,4% всех доходов) и поступления от религиозных обрядов (42%). В 1948 г. доходность церквей снизилось по сравнению с 1947 г. ещё в 2–3 раза, священники стали закрывать малоодоходные церкви, а соперничество за более доходные приходы усилилось. В 1947–1948 гг. значительно выросла «миграция» духовенства из прихода в приход по личному желанию, участились факты убытия за пределы областей.

Тем не менее в отчётах уполномоченного приводятся примеры лояльного отношения местных властей к священникам: «В настоящее время со стороны районных работников отношение к духовенству изменилось в лучшую сторону, и это сказалось в проводимых важнейших государственных кампаниях, в которых большинство служителей религиозного культа принимали активное участие и помогли районам». Например, есть свидетельство, что священник Раковичской церкви Щучинского района Гродненской области П. Гоголушко, узнав, что по сельсовету, где расположен его приход, не выполняется план лесозаготовок, взял пилу, топор и вышел в лес, где показал пример трудовой дисциплины и качества работы. Об этом узнали крестьяне и отправились на лесозаготовки. В результате за 3 дня план лесозаготовок был перевыполнен [8, л. 2]. В отчётных документах фиксируются и другие факты: в связи с лесозаготовками некоторые церковные старосты из числа наиболее зажиточных крестьян-единоличников, чтобы избавиться от государственных обязательств, соглашались закрепиться за определённой церковью для нужд настоятеля храма. Как правило, настоятель храма направлял старосту к уполномоченному с заявлением, в котором пытался доказать, «что цер-

ковный староста для церкви, пожалуй, более необходим, чем псаломщик или дьякон, и что без старосты вообще невозможно работать и жить церковному приходу» [12, л. 5–6].

Также православное духовенство приняло активное участие в проведении четвёртого государственного военного займа. Показателен пример священника Лидской церкви Святого Георгия Победоносца Г.К. Чешика, который подписался на 3 000 руб. и внёс их наличными, а также призывал верующих к подписке на заём. Или священника В. Беллева из села Олекшицы Берестовицкого района, подписавшегося на 1 000 руб., внёсшего сумму наличными и также выступавшего в церкви с призывом к верующим к подписке на заём [8, л. 3]. Кроме того, священнослужители старались участвовать в общественной жизни прихожан: священник Спасо-Преображенской церкви Василишского района Гродненской области в селе Острино П. Голосов после богослужения в церкви зачитывал приказы И.В. Сталина, знакомил верующих с успехами Красной Армии в борьбе с немецко-фашистскими оккупантами [8, л. 2].

Уровень религиозности населения западных областей БССР был высоким. Большинство верующих проживало в сельской местности. В конце 1940-х–1950-е гг. религиозные праздники в Гродно проходили при большом наплыве верующих. В 1940-х гг. широко практиковались крестные ходы. Например, на праздник Крещения Господня крестный ход проходил через весь город от собора и до Нёмана, где епископ освящал воду. В этом шествии принимали участие от 4 до 5 тыс. человек. Позже, несмотря на запреты крестных ходов и торжественных богослужений на большие праздники, в 1950 г. на Пасху кроме всенощной был организован крестный ход вокруг храма. Крестный ход проводился по сокращённому сценарию: верующие обошли собор только один раз, а не три. На Рождественскую службу 1952 г., которую возглавлял архиепископ Минский и Белорусский Питирим, в собор пришли 1 600 человек – почти в 10 раз больше, чем обычно. Примечательно, что в начале 1950-х гг. примерно 10–15% всех присутствующих на торжественных богослужениях составляли железнодорожники, выделявшиеся из общей массы своей парадной формой [6, с. 219].

Религиозность населения западнобелорусского региона проявлялась также в отказе выходить на работу во время больших церковных праздников. В пасхальные дни все церкви буквально были переполнены людьми. Хождение с крестами и иконами по полям и крестные ходы на освящение источников, освящение домашнего скота, массовые обходы домов – всё это имело большое распространение на территории западных областей БССР [2, с. 13]. В послевоенные годы в д. Докудово Лидского района от эпидемии ящура погиб весь скот. Крестьяне этой деревни по традиции, не доверяя ветеринарии, ежегодно стали приглашать священника, который ходил по дворам с молитвой и святой водой, «изгоняя из сарая заразного беса». Однажды в деревню по вопросам хлебозаготовок прибыл работник облисполкома, который увидел, что перед каждым домом стоял стол, покрытый чистой скатертью с хлебом и солью для встречи священника. Священник Докудовской церкви с псаломщиком с молитвой обходили каждый двор, а за ними шла подвода, в которую складывали продукты. Об этом инциденте было доложено уполномоченному И.Т. Макаренко, который выдал резолюцию: «В инструкции Совета сказано: разрешается собирать среди крестьян пожертвования (натурой или деньгами) в церковном здании. В инструкции не сказано, что священнику разрешается ходить по дворам с молитвой и собирать с суеверных крестьян подношения. Этот священник недавно прибыл из Литовской ССР и, вероятно, ещё не знает, что это запрещено законами советской власти, сельсоветы, политически слепые, не препятствуют подобным беззакониям» [9, л. 38].

Согласно Инструкции Совета по делам РПЦ, в послевоенные годы вся церковная деятельность священнослужителей сильно ограничивалась: без разрешения районного Совета депутатов трудящихся запрещались религиозные шествия и совершение

церемоний (молебнов) под открытым небом, на полях «о ниспослании дождя на посевы» [13, л. 11]. По приглашению прихожан священники могли совершать обряды на дому и отпевать умерших на кладбище. Но некоторые священнослужители игнорировали запреты и продолжали прежнюю деятельность.

Противоречия между православными и католиками

Ещё одной особенностью религиозной жизни в западных областях БССР и на территории Гродненской области в частности стали противоречия между Русской Православной Церковью и Римско-католическим костёлом. Между православным и католическим духовенством фактически велась открытая борьба за церковные здания и прихожан. В отчётах уполномоченного по делам РПЦ читаем: «До Великой Отечественной войны духовенство римско-католической церкви смотрело на православное духовенство свысока, с пренебрежением, только некоторые из них бывали у “русского” священника, но никогда не приглашали к себе. Сейчас отношения натянутые, и даже по отношению к некоторым священникам враждебные». Уполномоченный подчёркивает: «Православное духовенство молчит и отсиживается в захолустных приходах, заискивает перед представителями советской власти, старается угодить, только чтобы оказаться незаметными. Священники в связи с бандитизмом в западных областях Белоруссии не решаются на смелый шаг против влияния костёла на массы». Далее приводится рассказ священника Кузьмичской церкви Волковысского района Гаппоника: «Когда я узнал, что наше правительство удовлетворило просьбу верующих моего прихода, возвращают нам здание бывшей нашей церкви, которым поляки пользовались 25 лет, я и верующие моего прихода благодарили советское правительство за оказанную нам помощь в борьбе с поляками. Но я боюсь одного, что жизни мне здесь не будет. Польское население не хочет понимать, что инициатором этого мероприятия был не я, а прихожане, но польские бандиты разбираться в этом не будут. Я священник, меня и убьют, и семью мою уничтожат» [8, л. 17].

В 1945 г. в трёх районах Гродненской области: Радуньском, Сапоцкинском и Вороновском – не было православных церквей, зато были 18 костёлов. В одном только Сапоцкинском районе раньше насчитывалось 5 православных церквей, но они в разное время были переданы польскими властями католикам, здания переоборудованы в костёлы, а прихожане перешли в другую веру [9, л. 42]. Так как ранее здесь были православные храмы и православное население, то уполномоченный заявлял: «Белорусы, принявшие католицизм, остались белорусами, говорят на своём местном, деревенском белорусском жаргоне и гораздо охотнее посещают православную церковь, чем польский костёл, потому что они плохо понимают польский язык, а ещё хуже владеют разговорной польской речью» [8, л. 2]. Об этой проблеме уполномоченный неоднократно сообщал епископу, но тот не предпринимал никаких усилий для открытия в этих церквях православных храмов, боясь «белопольских бандитов» [9, л. 42–43].

В июне 1947 г. епископ назначил двух протоиереев для ведения в области православно-миссионерской работы. За это время они провели по два собрания с духовенством, на которых присутствовали от 7 до 13 священников. Но цели этих собраний так и не были достигнуты: подготовленные и опытные священники не являлись, а неопытные не знали ответа на обсуждавшийся вопрос, как бороться с баптизмом. На собраниях возникла дискуссия: почему католическому духовенству разрешается изучать с подростками катехизис, а православному нет? Приводили примеры и даже с именами католических ксёндзов, кто этим занимается. Уполномоченный И.Т. Макаренко заверял, что все равны и всем запрещено изучать с детьми катехизис [12, л. 65]. В отчётах И.Т. Макаренко констатирует: «Вся миссионерская деятельность РПЦ проводится по материалам из книги руководства по обличению рационалистических сект штундобап-

тизма и адвентизма автора Перетрухина (издательство миссионерского комитета при священном синоде Варшавы 1924 г.). Но это пустые слова, никакой миссионерской работы по области не проводится. Католики распускают “утки”! Необходимо пускать больше православных, чтобы они стали ядром в борьбе с костёлом» [10, л. 4–5].

В документах встречаются и такие примеры: настоятель Мижеричской церкви Зельвенского района Коляда сообщал уполномоченному, что за 1947 г. в его приходе «через исповедь» перешли из католицизма в православие 15 человек поляков, «через венчание» – 10. Из православия в католицизм перешли трое. Переход в православие объясняли так: «По Зельвенскому району всего три костёла, а православных церковей 5. В одном костёле нет ксендза, а другие костёлы находятся далеко. Но в других районах такого не наблюдается, там ещё сильно влияние ксендзов и больше костёлов» [10, л. 2].

Деятельность Минской духовной семинарии в Жировичах

В БССР духовное образование было возобновлено вскоре после окончания Великой Отечественной войны открытием в ноябре 1945 г. при Свято-Успенском монастыре в Жировичах богословско-пастырских курсов. Далее последовало сообщение учебного комитета при Священном Синоде, что Совет по делам РПЦ при Совете Министров СССР уведомил письмом патриарха Алексия о своём согласии на открытие духовной семинарии при Жировичском монастыре. В результате в сентябре 1947 г. курсы преобразовались в Минскую духовную семинарию, в состав которой были переведены 20 воспитанников из бывшей духовной семинарии в Вильно [14, л. 5]. Уже на начало учебного года в 1953 г. в семинарии было 93 слушателя, в течение года были приняты ещё 7 человек. В течение учебного года выбыли 8 слушателей, но ни один семинарист не был отчислен за неуспеваемость. Для учащихся, чтобы они не были оторваны от реалий советской жизни, выписывались газеты, демонстрировались фильмы. Во время проведения советских праздников организовывались доклады, проходили торжественные заседания, празднично оформлялся актовый зал. Семинария находилась в зданиях Жировичского монастыря, тут же располагалось и общежитие семинаристов. Это были деревянные сооружения на 8 комнат при коридорной системе, отличавшиеся сыростью. Для решения этой проблемы началось строительство нового общежития. Особым недостатком в учебно-воспитательном процессе семинарии являлась малочисленность, бедность и однородность наполнения библиотеки литературой, которая насчитывала 4 650 томов и пополнялась скудно, медленно, о чём неоднократно ректор семинарии Соколь информировал уполномоченного Совета по делам РПЦ [15, л. 9–37; 10, л. 52].

Несмотря на все противодействия советских властей, число слушателей в семинарии на протяжении 1950-х гг. постоянно увеличивалось. Если в 1954/55 учебном году здесь насчитывалось 77 человек, то в 1955/56 – 130, а в 1956 – 143. В 1950 г. ректором семинарии был назначен архимандрит Иоанн (Соколь), который предложил построить новый учебный корпус. Весной 1954 г. строительство началось, и, хотя власти пытались его остановить, новое здание все-таки было возведено [6, с. 219]. В 1955/56 учебном году состоялся 8-й выпуск воспитанников, закончивших полный курс обучения, – 115 священников [14, л. 5].

В результате активной деятельности РПЦ власти всерьёз обеспокоились усилением её влияния на молодое поколение. В связи с этим Московская Патриархия вновь стала испытывать давление со стороны органов власти, прежде всего Совета по делам РПЦ. 16 ноября 1948 г. по указанию Совета Священный Синод РПЦ принял постановление «о запрещении использовать проповеди в храме в качестве уроков “Закона Божия” для детей» [4, с. 220–221]. Уполномоченный Совета по Гродненской области И.Т. Макаренко отмечал, что посещаемость церковей не уменьшилась, а в некоторых приходах даже увеличилась, и объяснял это тем, «что в западных областях Белоруссии

сельское хозяйство ещё остаётся единоличным, частным сектором, с разрозненной хуторской системой, где религиозный фанатизм так глубоко внедрён в жизнь и быт отсталого крестьянства бывшей панской Польши, что его не так легко вышибить из сознания таких людей» [12, л. 6–7].

Деятельность церковно-приходских организаций

В первые послевоенные годы не увенчались успехом попытки священников и прихожан по легализации деятельности церковно-приходских организаций – братств и сестричеств. Так, прихожане Гродненского Покровского собора обратились с заявлением об открытии при храме Гродненского православного Покровского братства и разработали устав братства по образцу существовавшего ранее, при польской власти. Уполномоченные в свою очередь неоднократно ставили перед Советом вопрос об отношении к юридически незарегистрированным приходским организациям. Вопрос существования братств поднимался на республиканском совещании уполномоченных в 1946 г. Однако конкретных инструктивных указаний о деятельности братств не было принято, в каждом случае принималось отдельное решение. Не были поддержаны Советом и инициативы, выработанные на собрании благочинных Гродненской епархии 9–12 мая 1946 г. по созданию православной семинарии в Гродно, или предложение архиепископа Питирима о переносе деятельности Минской духовной семинарии из Жировичей в Минск. Также Совет категорически потребовал роспуска созданного 24 марта 1948 г. миссионерского совета Минской епархии [3, с. 67].

Показательно, что со стороны отдельных представителей власти проявлялось демонстративное неуважение к религии и церковнослужителям. Например, в 1947 г. настоятель Гудевичской церкви Волковысского района Гапоник сообщал уполномоченному, что в селе Кузьмичи Волковысского района в день храмового праздника во время обеда в дом настоятеля без приглашения явился участковый милиционер. Он оскорблял священников, угрожал им: «Я тайный агент, со мной шутки плохи. Кто в бога верит, тот последний дурак. Я имею письмо лично от товарища Сталина, в котором за работу объявлена мне благодарность». Священники были в замешательстве, ведь это говорил представитель советской власти – блюститель закона и общественного порядка. У духовенства сложилось мнение, что выступал он от имени советской власти [12, л. 62–63].

В начале 1950-х гг. давление на Православную Церковь со стороны власти усилилось. Сказывалось и воздействие антирелигиозной пропаганды, под влиянием которой происходило формирование атеистического сознания, в том числе и на региональном уровне. Уполномоченный Совета по делам РПЦ по Гродненской области в своих отчётах отмечал: «Учитывая культурную отсталость населения западной Белоруссии и их религиозный фанатизм, казалось бы, ещё рано верить, что за такой короткий отрезок времени население Гродненской области несколько изменилось в культурном отношении. Систематические выезды членов партии и беспартийного актива из областного центра и районов в сельсоветы и деревни по выполнению хозяйственных и политических задач путём проведения массово-политической работы, лекций, докладов и чтоток газет дали свои положительные результаты... Кроме того, молодёжь деревень и городов пошла на учёбу, на службу, на работу в учреждения и предприятия, где начали больше общаться с восточниками (жителями восточных регионов БССР), которые являются руководителями и воспитателями как в городе, так и в деревне. Всё это говорит о том, что местное население ещё не скоро перестанет верить в бога, однако вера в него пошатнулась, особенно среди молодёжи» [12, л. 71–72].

В одном из отчётов уполномоченный заключал: «По линии религиозных культов уже сократилось некоторое количество костёлов по области, а по линии Православной Церкви никак не удаётся это провести за исключением одного молитвенного дома». Се-

туя на такую сітуацыю, в канце ўполномоченный делал вывод: «Церкви и костёлы, эти очаги мракобесия, ещё служат местом, где пропагандируются отсталые и противные нам идеи, которые тормозят проведение в жизнь наших задач» [10, л. 32].

Заклучение

В целом период 1944 – первой половины 1950-х гг. – один из самых сложных и противоречивых в истории Православной Церкви на территории Беларуси. Особую роль в проведении на местах советской религиозной политики играл институт уполномоченных Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР, на которых возлагалась ответственность по реализации поручений Совета. Проводимые мероприятия часто не совпадали с требованиями руководства Совета, что влекло к дисциплинарным наказаниям уполномоченных. Ежеквартальные отчёты уполномоченных, хотя и носят субъективный характер, всё же помогают воссоздать картину религиозной жизни Гродненской области. В ходе изучения данной темы установлено следующее.

1. На протяжении 1944–1946 гг. со стороны советского руководства наблюдалось лояльное, хотя и прагматичное, отношение к Православной Церкви. Наряду с налаживанием церковно-административной системы управления и упорядочением взаимодействия с государственными органами в западнобелорусских областях БССР некоторое время удавалось сохранять ранее созданные формы приходской жизни. В первые послевоенные годы на территории Гродненской области была отмечена активизация религиозной жизни, чему в немалой степени способствовала и практика регистрации православных церквей. Наблюдался значительный рост общего количества православных храмов, духовенству разрешалось проводить курсы с целью повышения образовательного уровня клира, продолжали существовать братства и сестричества, проходили крестные ходы, большие христианские праздники носили массовый характер.

2. С 1947 г. происходило постепенное ужесточение государственной политики по отношению к Православной Церкви. Это выразилось, прежде всего, в приостановке регистрации и открытия новых церквей, в создании новых форм ограничений и контроля деятельности духовенства и верующих, а также в налоговой политике Советского государства. Сдерживающим фактором конфессиональной жизни была репрессивная политика в отношении священников, низкий уровень профессиональной подготовки священнослужителей, в результате чего западных районах БССР в 1948–1953 гг. были закрыты 34 церкви. Одновременно православное население и клир рассматривались советскими властями как инструмент борьбы с Римско-католической церковью.

Таким образом, ослабление давления со стороны властей на РПЦ в первые послевоенные годы привело к возрождению религиозной жизни в западных областях БССР, что обеспокоило атеистическое руководство Советского Союза и вызвало новые гонения на Православную Церковь в последующие годы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.] ; навук. рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
2. Галимова, Н. П. Брестская епархия: основные аспекты религиозной жизни (1945–1960-е гг.) / Н. П. Галимова, Л. В. Лавреенко // Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2010. – № 2. – С. 12–21.
3. Кулажанка, У. Г. Асаблівасці арганізацыі жыцця прайвадскага царквы ў Беларусі ў 1944–1948 гг. (па матэрыялах фондаў Упавнаважаных Савета па справах РПЦ пры СНК СССР): да пастаноўкі пытання / У. Г. Кулажанка // Хрысціянства ў гістарыч.

ным лёсе беларускага народа : зб. навук. арт. : у 2 ч. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэдкал.: Э. С. Ярмусік [і інш.]. – Гродна, 2009. – Ч. 2. – С. 62–68.

4. Марченко, протоиерей Алексей. Религиозная политика советского государства в годы правления Н. С. Хрущёва и ее влияние на церковную жизнь СССР / протоиерей Алексей Марченко. – М. : Изд-во Крутицкого подворья, Об-во любителей церковной истории, 2010. – 328 с.

5. Пчельник, Е. В. Православная церковь на Гродненщине в первые послевоенные годы / Е. В. Пчельник // 60-летие образования Гродненской области : материалы Междунар. науч. конф., Гродно 3–4 мар. 2004 г. / отв. ред. В. А. Белозорович. – Гродно, 2004. – С. 384–386.

6. Сілава, С. Праваслаўная царква ў БССР падчас «хрушчоўскай адлігі». На прыкладзе прыходаў Гродзенскай вобласці / С. Сілава // Arche-Пачатак. – 2011. – № 10. – С. 218–239.

7. Строкач, А. П. Уपाўнаважаныя па справах рэлігіі і іх роля ў канфесійным жыцці Берасцейшчыны у 1945–1960-я гг. / А. П. Строкач // Асоба ў гісторыі: гераічнае і трагічнае : матэрыялы III Міжнар. навук.-практ. канф. студэнтаў, ліцэістаў, аспірантаў і маладых вучоных, Брэст, 23–24 лістап. 2007 г. / Брэст. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна ; рэд. рада: А. Ю. Бодак [і інш.]. – Брэст, 2008. – С. 251–257.

8. Информационный отчёт Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Гродненской области за 1945 г. // Государственный архив Гродненской области (ГАГр). – Ф. 478. Оп. 2. Д. 1.

9. Информационный отчёт Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Гродненской области за 1946 г. // ГАГр. – Ф. 478. Оп. 2. Д. 4.

10. Информационный отчёт Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Гродненской области за 1948 г. // ГАГр. – Ф. 478. Оп. 2. Д. 8.

11. Докладная Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Гродненской области от 28.03.1946 г. // ГАГр. – Ф. 478. Оп. 2. Д. 3.

12. Информационный отчёт Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Гродненской области за 1947 г. // ГАГр. – Ф. 478. Оп. 2. Д. 6.

13. Информационный доклад Уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Брестской области на 1 апреля 1945 г. // Государственный архив Брестской области. – Ф. 1482. Оп. 2. Д. 2.

14. Годовой отчёт Минской духовной семинарии за 1955/1956 учебный год // ГАГр. – Ф. 478. Оп. 1. Д. 64.

15. Годовой отчёт Минской духовной семинарии за 1953/1954 учебный год // ГАГр. – Ф. 478. Оп. 1. Д. 56.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 12.03.2017

Zanko E.U. Religious Life of Orthodox Believers in the Western Regions of the BSSR in 1944–1950s (on the Example of Grodno Region)

The characteristics of main actions of the Soviet government to facilitate the registration of churches, religious communities, brotherhoods and sisterhoods are given in the article. The activities of the Commissioner of the Council for Russian Orthodox Church Affairs in Grodno region, Grodno Bishop and Orthodox priests, the activities of the convent and the Zhirovichi Seminary are studied. The participation of Orthodox priests in public life of Grodno region, the differences between the Orthodox and the Catholic clergy, the restoration and development of religious institutions on the territory of Hrodna diocese is examined.